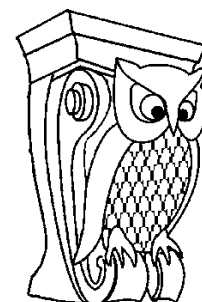

УДК 94(438).071

«Усмирить подвластный нам край»: взгляды И. А. Арсеньева на польский вопрос в начале 1860-х годов в контексте национальной политики Российской империи

О. О. Завьялова

Завьялова Оксана Олеговна, младший научный сотрудник лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, oxana-z10@rambler.ru

В статье на основании широкого круга источников и архивных материалов анализируется позиция русского издателя и публициста И. А. Арсеньева по польскому вопросу накануне Польского восстания 1863–1864 гг. Арсеньев, командированный в Варшаву в 1861 г. для составления корреспонденций, являл собой образ журналиста нового формата. Он не только объективно фиксировал события, способствовавшие эскалации русско-польского конфликта, но и, проанализировав их, изложил свое видение проблемы в специальной записке, вызвавшей интерес в высших правительственных кругах. В целом проект превращения Царства Польского в административную автономию, предложенный Арсеньевым, находился в общем русле предложений и взглядов на решение польской проблемы, формирующихся в общественной среде во второй половине 1850 – начале 1860-х гг.

Ключевые слова: Российская империя, Царство Польское, И. А. Арсеньев, польский вопрос, национальная политика, русско-польские отношения, административная автономия.

**«To Pacify the Land Subject to Us»: the Views
of I. A. Arsenyev on the Polish Question in the early 1860s
in the Context of the National Policy of the Russian Empire**

О. О. Zavyalova

Oksana O. Zavyalova, <https://orcid.org/0000-0002-5219-958X>, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 41 Chehova St., Rostov-on-Don 344006, Russia, oxana-z10@rambler.ru

Based on a wide range of sources and archival materials the article analyzes the position of the Russian publisher and publicist I. A. Arsenyev on the Polish issue on the eve of the Polish Uprising of 1863–1864. Arsenyev, seconded to Warsaw in 1861 to compile correspondences, was a journalist of a new format. He not only objectively recorded the events that contributed to the escalation of the Russian-Polish conflict, but after analyzing them, outlined his vision of the problem in a special note, which aroused interest in the highest government circles. In general, the project of transforming the Kingdom of Poland into administrative autonomy, proposed by Arsenyev, was in the mainstream of proposals and views on the solution of the Polish problem, which were formed in the public environment in the second half of the 1850s–early 1860s.

Keywords: Russian Empire, Kingdom of Poland, I. A. Arsenyev, Polish question, national policy, Russian-Polish relations, administrative autonomy.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-417-423>

В развитии русско-польских отношений XIX век оказался особенно насыщенным противоречивыми событиями, наложившими отпечаток на современные русско-польские отношения и формирование представлений двух народов друг о друге. Включение Польши в состав Российской империи при Александре I на долгие годы сделало польский вопрос одной из острых внутривнутриполитических проблем страны¹, проекты по разрешению которой возникали в правительственной и общественной среде в периоды обострения русско-польских противоречий. XIX столетие... по праву названное исследователями русско-польским², было ознаменовано не только перманентным противостоянием Российской империи и Царства Польского, в итоге вылившимся в два польских восстания, но и многочисленными дружественными и продуктивными социокультурными контактами представителей национальных элит двух народов.

В современных условиях ухудшения русско-польских политических и дипломатических отношений, связанного с обострением международной обстановки на фоне украинских событий и поддержкой Польшей санкций против России, становится актуальным анализ взаимоотношений двух стран на разных исторических этапах, а также выявление различных позиций и взглядов на решение польской проблемы, распространенных в русском обществе. Особый интерес представляют периоды, предшествовавшие крупным конфликтам, изучение особенностей которых позволит избежать негативных явлений, сопровождавших русско-польские отношения, и улучшить взаимопонимание народов.

Одним из таких «переломных» периодов в истории взаимоотношений России и Польши стало десятилетие, предшествовавшее Польскому восстанию 1863–1864 гг. С. И. Иванова рассматривает Польское восстание 1863–1864 гг. как «событие перехода», которое привело к формированию нового проблемного измерения в русской интеллектуальной жизни начала 1860-х гг.³

Вместе с тем первые годы царствования Александра II до начала Польского восстания в 1863 г., вмещающие в себе противоречивую событийность, в целом представляли собой переходный период в истории взаимодействия России и Польши. Состояние переходности определялось наличием как минимум двух вариантов развития

русско-польских отношений в тот период, один из которых вел по пути нарастающей конфликтности и разрыва, а второй предусматривал возможность взаимовыгодного сотрудничества в деле общего реформирования в рамках единого имперского пространства.

Крепнущее на протяжении первой половины XIX в. общественное самосознание русского общества привело к тому, что к середине столетия на фоне общественно-политического подъема все более широкое распространение получает стремление его представителей высказаться по поводу различных злободневных политических проблем. Многие общественные деятели, отличающиеся высокой степенью общественно-политической активности, наблюдая за развитием кризиса в Царстве Польском во второй половине 1850-х гг., стремились предложить самодержавной власти действенные способы решения польского вопроса. Выражая свою позицию в публицистических сочинениях и записках, представители общественности – писатели, публицисты, ученые, пытались преодолеть выработавшееся на протяжении первой половины XIX в. убеждение в «роковом качестве» польского вопроса для внутренней политики российского правительства.

Цель настоящей статьи – анализ взглядов русского издателя и публициста И. А. Арсеньева по польскому вопросу в контексте русской национальной политики второй половины 1850–начала 1860-х гг. Позиция Арсеньева, относящегося к общественному «лагерю», но при этом приближенного к официальным кругам и находившегося под покровительством российских властей, представляет интерес в двух взаимосвязанных аспектах. С одной стороны, взгляды этого общественного деятеля ранее не становились предметом специального исследования, что обуславливает научную актуальность исследования. С другой стороны, предложения Арсеньева по решению польского вопроса, изложенные в специальной записке, позволяют не только выявить особенности русской национальной политики в отношении Царства Польского, но и определить степень интеллектуальной «рефлексии» в русском образованном обществе по данной проблеме накануне очередного польского восстания.

По своему происхождению и воспитанию Илья Александрович Арсеньев принадлежал к высшему московскому обществу. Его отец – сенатор, тайный советник А. А. Арсеньев – имел обширный круг знакомых, среди которых были многие известные русские литераторы – А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, М. Ю. Лермонтов и другие, посещавшие его дом и оказавшие существенное влияние на формирование личности будущего публициста. В 1840 г., окончив курс в Московском университете, И. А. Арсеньев поступил на службу в канцелярию московского

генерал-губернатора чиновником особых поручений. В конце 1840-х гг. он перевелся на службу в Межевой корпус в Санкт-Петербурге и уже в конце 1850–начале 1860-х гг. благодаря своей активной публицистской деятельности и писательскому таланту Арсеньев приобрел довольно заметное положение в литературных кругах русского общества⁴. Свои статьи, затрагивавшие преимущественно актуальные экономические вопросы – банковское дело и железнодорожное строительство, он помещал в «Северной пчеле», «С. – Петербургских Ведомостях», умеренно-либеральном «Нашем времени». Нередко публицист позволял себе критические высказывания в адрес государственных учреждений, за которые его статьи подвергались цензурным гонениям⁵. Статья «Обличительная литература и ее обязанность», поднявшая злободневный вопрос о роли современной литературы в процессе подготовки преобразований, была запрещена Московским цензурным комитетом⁶.

Придерживаясь передовых взглядов, отстаивая, как и многие прогрессивно мыслящие современники, право обличительной литературы на указание злоупотреблений властью, Арсеньев тем не менее не пользовался популярностью в обществе, интересы которого стремился выражать. За ним даже закрепилась репутация агента III отделения⁷. В первую очередь это было связано с его сотрудничеством преимущественно с официозными печатными органами, такими как «Северная почта», редактором политического отдела которой он стал в 1864 г., а также наличием тесных контактов с представителями высшей государственной власти. Среди покровителей Арсеньева был герой обороны Севастополя, генерал С. А. Хрулёв. По воспоминаниям самого публициста с генералом он близко сошелся еще в 1849 г. и поддерживал отношения вплоть до начала 1860-х гг., часто встречаясь с ним у графа А. С. Уварова – известного археолога, сына министра народного просвещения С. С. Уварова⁸.

Знакомство с влиятельными лицами позволило публицисту оказаться в самой гуще событий стремительно развивавшегося кризиса в русско-польских отношениях начала 1860-х гг. При анализе взглядов Арсеньева на польскую проблему в этот период необходимо учитывать ряд общественно-политических факторов, оказавших существенное влияние на формирование польского «дискурса» в русском образованном обществе, во многом зависящего от политики русских властей в середине XIX в.

Общая либерализация политического режима в России с приходом к власти императора Александра II и начало подготовки ряда преобразований привели к активизации национально-освободительного движения в Царстве Польском, внешне казавшемся умиротворенным. При этом как в России, так и в Польше, надежда на улучшение условий жизни русского общества, которую

вселяло начало царствования нового императора, связывалась у многих общественных деятелей и с возможностью смягчения политики самодержавия в отношении Царства Польского. Гораздо позднее историк польской литературы В. Д. Спасович, анализируя историю политики русского правительства в Царстве, писал, что когда началась эпоха Великих реформ и вновь активизировалось польское национальное движение, «... русское общество, расположенное в то время ко всяким преобразованиям и улучшениям, отнеслось к нему на первых порах сочувственно»⁹, тем более что с приходом к власти нового императора политика самодержавия в отношении Царства Польского действительно подверглась значительным изменениям и накануне восстания в 1863 г. включала в себя ряд компромиссов и уступок. Смягчение курса в отношении Царства началось с назначения Наместником «дряхлого и ветхого» князя М. Д. Горчакова вместо умершего в 1856 г. «грозного фельдмаршала» И. Ф. Паскевича, четверть века довольно строго управлявшего Польшей. В августе того же года по случаю коронации нового императора вместе с декабристами и петрашевцами были амнистированы и участники восстания 1830–1831 гг. с разрешением вернуться в Царство Польское и пользоваться всеми «правами состояний», которыми они обладали до восстания¹⁰. Эти положения распространялись и на эмигрантов, которые по возвращении в Царство не подвергались судебному преследованию и могли вернуться на государственную службу «по прошествии трех лет раскаяния и безукоризненного поведения»¹¹. Более того, назначением в 1861 г. главой гражданского управления в Царстве Польском маркиза А. Велепольского российское правительство продемонстрировало свое стремление к умиротворению края посредством получения поддержки своей политики со стороны умеренно-либеральной части польского общества. Предполагалось проведение ряда либеральных реформ, предложенных Велепольским, которые должны были осуществляться с позволения русских правящих кругов под руководством маркиза¹².

Однако чем мягче и осторожнее действовали русские власти, тем сильнее обострялась ситуация в Польше и в близлежащих территориях Правобережной Украины, Литвы и Белоруссии. В этот период в политике управления Царством Польским повторилась ситуация, возникшая в начале XIX в. при Александре I, о которой петербургское общество тогда сообщало польскому князю Л. Сапеге: «Чем больше Государь для вас делает, тем скорее вы устроите восстание»¹³. В. Д. Спасович также отмечал, что либеральные меры нового правительства были восприняты польским обществом как проявление слабости режима, как «трещина» в старой наружной оболочке, созданной за годы николаевского царствования¹⁴.

Первые антиправительственные манифестации прокатились по Варшаве в июле 1860 г.¹⁵ Выдающийся государственный и военный деятель Д. А. Милютин в своих воспоминаниях зафиксировал начальную дату стремительного ухудшения ситуации в Царстве: «В 1860 г. агитация в Царстве Польском приняла уже характер вызывательный»¹⁶. Ситуация ухудшалась на протяжении всего 1861 г., а представители русской власти в Царстве, как и само центральное русское правительство, продолжали колебаться, не в состоянии выработать ясную политику в отношении волнующейся окраины. В своем письме из Варшавы начала февраля 1861 г. сенатор М. А. Коцебу отмечал: «Нельзя не сознаться, что разъединение между обществами русским и польским сделалось чувствительнее, чем когда-либо»¹⁷.

Своеобразной «точкой невозврата» в русско-польских отношениях стали события в Варшаве, развернувшиеся в феврале – марте 1861 г. Поминальная служба годовщины Гроховской битвы 15 февраля превратилась в крупную политическую демонстрацию, провокационный характер которой вынудил русские войска дать залп по толпе, в результате чего были убиты 5 и ранены 6 человек¹⁸. На фоне обострения ситуации в Варшаву в начале 1861 г. был направлен генерал С. А. Хрулёв, отличившийся храбростью и твердостью при подавлении польского восстания 1830–1831 гг. В конце марта после неудачных попыток наместника Горчакова уговорить демонстрантов разойтись снова был отдан приказ стрелять, последовали новые жертвы. Арсеньев как корреспондент русских и иностранных изданий, осознавший всю значимость для настоящего момента присутствия в непосредственной близости от событий, разворачивающихся в Варшаве, направил Хрулёву письмо, в котором просил генерала посодействовать ему в получении литературной командировки в Варшаву для составления корреспонденций о текущих событиях, набирающих все более опасный оборот для русского влияния в крае. Просьба Арсеньева была передана тогдашнему наместнику Царства Польского князю М. Д. Горчакову, который в письме начальнику Арсеньева почт-директору Ф. И. Пряшникову, просил его о временном командировании публициста в Варшаву для того, чтобы «иметь при себе редактора для статей, помещаемых в различных периодических изданиях в России и за границей, по всем предметам, относящимся до Царства Польского»¹⁹.

Арсеньев прибыл в Варшаву уже после смерти Горчакова, когда в мае 1861 г. наместником стал Н. О. Сухозанет. В своих воспоминаниях публицист отмечал, что новый наместник «по дряхлости, старости и болезни... не мог составить себе ясного понятия о положении вверенного ему края»²⁰. Арсеньев поселился в Замке – зимней резиденции наместника Царства

Польского под одной крышей с Хрулёвым, от которого получал многие сведения для своих корреспонденций. Инициативу, проявленную Арсеньевым, следует рассматривать не только как желание продвинуться по «карьерной лестнице» и сделать себе имя в русской журналистике переводчиками из центра русско-польского противостояния, но и как стремление рассказать публике о противоречивых событиях, которые замалчивались и доходили до жителей российских городов в искаженном виде, о чем неоднократно сообщали из Варшавы авторы писем к родным в России. Например, в своем письме к жене из Варшавы от 14 марта 1861 г. И. Павлицев, с 1831 г. служивший в Царстве Польском, занимая различные должности в правительстве, сокрушался от того, что в Петербурге практически все находится «в совершенном неведении» на счет действительного положения, сложившегося в центре Царства Польского²¹. Арсеньев также отмечал, что «все творившееся в Варшаве тщательно скрывалось местною администрацией...»²². Создавалась ситуация, при которой центральное русское правительство было недостаточно осведомлено о степени опасности ситуации в Польше. Арсеньев одним из первых осознал необходимость строгой фиксации особенностей всех происходивших в Варшаве событий в журнальных статьях, которые намеревался помещать не только в русские, но и в иностранные издания с целью информировать публику и российские власти в Петербурге, давая им возможность оперативнее реагировать на стремительно развивающиеся события.

По предварительному соглашению с редактором А. А. Краевским корреспонденции Арсеньева должны были публиковаться в «С. – Петербургских Ведомостях», но уже первая из них, как и все последующие, сообщавшие подробности уличных беспорядков в Варшаве, были запрещены цензурой. Тогда Арсеньев прекратил попытки публиковать свои сообщения в русских газетах и стал отправлять их только в брюссельские издания «Le Nord» и «L'indépendance Belge»²³.

Неприглядная правда очевидца событий оказалась слишком резкой и дискредитирующей авторитет российской власти, не справлявшейся с ситуацией в Царстве Польском. Однако некоторые сведения все же просачивались в центральные районы империи. Интеллектуальной реакцией русской общественности на эскалацию русско-польского конфликта стало появление различных статей и записок, содержащих предложения по урегулированию ситуации, уходящей из-под контроля российских властей. Накануне Польского восстания 1863–1864 гг. такие русские мыслители, как М. П. Погодин, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, И. С. Аксаков, предлагали примирительные меры в отношении Царства Польского по налаживанию русско-польских отношений, преодоление «перегибов»

в русской политике управления этой окраиной, допущенных за годы царствования Николая I²⁴. Не остался в стороне от этого интеллектуального направления и Арсеньев, также осознавший всю значимость открытого обсуждения польской проблемы.

Свой взгляд на решение польского вопроса он изложил в специальной записке, представленной императору в конце ноября 1861 г. шефом жандармов В. А. Долгоруковым. В сопроводительном письме к императору от 20 ноября 1861 г. Долгоруков сообщал, что счел записку, которая была составлена И. А. Арсеньевым, посланным в Варшаву «для журнальных статей» от Почтового ведомства, достойной Высочайшего внимания. В ней публицист, ставший очевидцем событий, способствовавших эскалации русско-польского конфликта, изложил основные причины ухудшения ситуации в Польше. Он подчеркивал особую значимость польского вопроса для внутренней политики России, называя его «кровным» вопросом всех русских. По мнению Арсеньева, оттягивать решительные меры в отношении волнующейся окраины нельзя в первую очередь потому, что в скором времени польский вопрос из внутривнутриполитической проблемы Российской империи может превратиться в международную, что повлечет за собой совершенно нежелательное вмешательство могущественных мировых держав – Англии и Франции²⁵.

В записке Арсеньев дал оценку политики российских властей в Царстве Польском, указав на просчеты правительства и отсутствие у высшей власти четко выработанной позиции в решении польского вопроса. По его мнению, меры, предпринятые российскими властями для «усмирения края» в течение 1861 г., «не только не увенчались никаким успехом, но повели к одному лишь развитию неурядиц и беспокойств». Публицист заметил, что еще в августе 1861 г. правительство имело возможность «косвенными, но все-таки энергичными мерами» хотя бы временно замирить волнующуюся окраину. Но именно отсутствие «системы» в управлении краем, выразившееся в «беспрестанных переменах наместников и главных начальствующих лиц; постоянной отдаче и отмене разных то строгих, то уклончивых приказаний»²⁶, привело к резкому ухудшению в русско-польских отношениях. Схожую характеристику деятельности российской администрации в крае в это время давал и министр внутренних дел П. А. Валуев. В своих дневниковых записках 1861 г. он отмечал, что государственные деятели, рассматривавшие польский вопрос на специальных заседаниях Совета министров в марте 1861 г., а также те, кто представлял местное управление краем, «как-то смотрят на польские дела сквозь очки тридцатых годов»²⁷. К тому же, по мнению П. А. Валуева, «...если крамолы продолжались и продолжают, то мы собственными ошибками и неумением

вселить ни уважения, ни даже боязни, наполовину тому причиной. Никто даже не признавал... крайности современных обстоятельств»²⁸. Арсеньев же в полной мере осознал всю сложность сложившегося для российского правительства положения в крае, называя волнения поляков в 1861 г. не иначе как восстанием. При этом он назвал еще более существенную и глубинную причину внезапной волны ненависти к России, захлестнувшей Польшу. По его мнению, поляки сбросили ненавистную для них маску, которую «носили в течение 30-ти лет, с трудом удерживаясь от выражения той ненависти, которая грызла грудь каждого поляка, вступавшего в возраст поминания»²⁹.

В результате постоянных колебаний российских властей, их неопределенности в политике управления окраиной, а также активной пропагандистской работе радикальных элементов в польском обществе, разжигавших революционные настроения, произошло разрушение всякого порядка и полное падение авторитета русской власти в крае. Арсеньев указал на то, что движение за обретение Польшей собственной независимой государственности распространилось повсеместно в польском обществе, и «партии» так называемых красных и белых, ранее составлявшие его и занимавшие противоположные позиции, в «уличном разгуле» слились воедино. Вместе с тем, по мнению Арсеньева, даже в такой ситуации общего настроя на полное освобождение Польши от российской власти еще сохранилось деление на два лагеря, преследующих разные цели, один из которых «требует автономии политической», а другой – «автономии административной»³⁰. Анализируя последствия осуществления первого требования Арсеньев приходит к выводу о том, что оно принесет несомненный вред для России, ведь в таком случае Польша будет стремиться к расширению пределов Царства путем присоединения своих бывших земель, находящихся в составе Российской империи и тем самым станет для нее «естественным» врагом.

Однако превращение Польши в административную автономию, с точки зрения публициста, может принести империи пользу, позволив лишить Царство Польское оснований для упреков России во вмешательстве в экономическую жизнь, частные интересы и юридические права польских граждан. В своей позиции Арсеньев основывался на необходимости соблюдения важного и актуального во внешнеполитическом смысле «принципа национальностей», предполагавшего совершенное невмешательство во внутреннюю жизнь управляемых народов. Для аргументации своей позиции Арсеньев указывал на особое положение польского народа в составе Российской империи. Он отмечал, что законы, предписанные завоевателями – русскими, невыносимы для поляков как народа подвластного, но

«по нравственному развитию своему, по своему образованию» стоящего выше народа русского, что не должно оскорблять русского самолюбия³¹. Арсеньев осознавал важное обстоятельство, которое крайне непоследовательно учитывалось российской властью при управлении краем. Оно состояло в том, что польский народ совершенно отличался от народа русского и это отличие заключалось не только в иной вере, но и в совершенно ином типе политического мышления, сформировавшегося под влиянием традиций самоуправления и развитости личностного начала, особенно в высших слоях польского общества.

Арсеньев считал, что введение административной автономии в Царстве Польском при сложившихся обстоятельствах составляет «единственную разумную меру», которая позволит наладить русско-польские отношения. Но данная мера, предполагающая дальнейшую неразрывную связь России и Польши, «не может быть принята, иначе, как по обсуждению ее помощью общественного мнения страны». Это предложение Арсеньева не было конкретизировано, и публицист отдельно не оговаривает, посредством каких процедур польское общественное мнение сможет участвовать в этом процессе. Он пространно говорит о необходимости призыва всего польского народа на совещание «о лучшем устройстве для Польши, Государственных ее учреждений и о законодательных вопросах»³². Можно предположить, что, указывая на подобную меру, публицист имел в виду введение в управление краем совещательных элементов, неких представительных учреждений, состоящих из польских граждан. Данное предложение также отражало важную особенность первых лет царствования Александра II, состоявшую в стремлении к повсеместному распространению гласности, уверенности в том, что при помощи общественного мнения, путем открытого обсуждения можно найти верное решение имеющихся внутриполитических проблем не только в центре, но и на окраинах империи.

Подразумевая под носителями общественного мнения в Царстве Польском все население этого края, Арсеньев крайне негативно отзывался о «польской аристократической касте», которая, стремясь к достижению «личных эгоистических видов», выдает свои корыстные интересы за мнение всего народа. В связи с этим, по его мнению, польскую аристократию и ее представителей, которые исторически доказали свою непригодность к властным полномочиям, нельзя облагать административной властью, иначе это приведет к дальнейшим смутам и неурядицам. Отсюда проистекало крайне отрицательное отношение Арсеньева к деятельности маркиза А. Велепольского – одного из ярких представителей умеренно-либеральной польской аристократии. Публицист считал, что посредничество Велепольского и его предложения по урегули-

рованию русско-польского конфликта, а также его участие в управлении краем не приведут к прекращению беспорядков, так как этот польский магнат домогается только осуществления своих честолюбивых замыслов и стремится к политической автономии Польши³³. Более того, Арсеньев предупреждал, что предложение, поступившее к русскому правительству с польской стороны, о назначении наместником Царства кого-то из великих князей не может повлечь за собой при настоящих настроениях умов в Варшаве ничего, кроме оскорбления представителя императорской семьи, что может окончиться катастрофой.

Таким образом, под идеей дарования Царству Польскому учреждений и национальной администрации, согласной с желаниями всего польского населения, а не только его меньшинства в виде польской аристократии, предложенной Арсеньевым в его записке, подразумевалось предоставление полякам некоторой самостоятельности в решении вопросов их внутренней жизни, возвращение им «гражданской самобытности». Административная автономия Царства Польского позволила бы ему иметь собственную систему самостоятельно формируемых органов исполнительной и законодательной власти, действующих под надзором центрального русского правительства.

Арсеньев призывал русские власти обратить внимание на реальную ситуацию в Польше, прислушаться к мнению всего ее населения, а не только представителей аристократии. На сопроводительном письме Долгорукова к записке имеется помета императора: «Нахожу в ней много справедливого». При этом было замечено: «Нет, однако, правильного способа для устройства прямого отдельного управления»³⁴. Стремительно развивавшийся русско-польский конфликт российское правительство могло предотвратить только двумя путями: прибегнув к жесткому усмирению края либо проведя коренные реформы, изменив прежнюю систему управления. В ноябре 1861 г. Арсеньев предлагал вступить на второй путь развития русско-польских отношений, поддержав местный элемент, выступавший за административную автономию Царства Польского.

Сбор сведений по польской проблеме и их анализ И. А. Арсеньевым представляли собой новый формат журналистской деятельности. Он предпринял попытку использования современной практики освещения событий и их публичного обсуждения в условиях стихийно развивавшейся гласности для разрешения давней польской проблемы. В ходе своей литературной командировки в Варшаву, продлившейся до 1864 г., публицист стремился не только к максимально беспристрастной и объективной фиксации событий, сотрясавших Варшаву накануне польского восстания, но и к выработке некоего набора рекомендаций, призванных способствовать бес-

конфликтному разрешению польского вопроса. Собираемая им информация подвергалась глубокому анализу, результаты которого были изложены в форме записки, обращенной к русским правительственным кругам. Предлагаемая в ней программа представляла собой альтернативную модель предотвращения конфронтационной траектории развития очередного русско-польского кризиса, суть которой состояла в предоставлении административной автономии Царству Польскому. В аргументированном отстаивании своих взглядов перед лицом власти, в указании на многие явные просчеты в ее политическом курсе, проводимом в Царстве Польском в годы, предшествовавшие кризису, он видел свой не только журналистский, но и гражданский долг. Деятельность Арсеньева стала одним из частных, но показательных проявлений новой общественно-политической реальности начала 1860-х гг., в которой происходило развитие очередного обострения русско-польских отношений, ставшего болезненным «конфликтным пунктом» в исторической памяти двух народов.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли»).

Примечания

- 1 Gluszkowski P. Polsko-rosyjskie stosunki w XIX w. We współczesnej rosyjskiej historiografii // Kwartalnik Historyczny. 2015. Vol. 122. No. 2. P. 305.
- 2 См.: Горизонтов Л. Е. Служить или не служить империи? Поляки в России XIX в. // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты / отв. ред. С. Гжибовский, В. А. Хорев, М.: Волос, 2011. С. 297.
- 3 См.: Иванова С. И. Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века // Ежегодник Русско-польского института. 2012. № 1 (2). С. 9–10.
- 4 См.: Арсеньев Илья Александрович // Русский биографический словарь : в 25 т. / А. А. Половцов. СПб., 1900. Т. 2. С. 316–317.
- 5 См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 722. Оп. 1. Д. 5366.
- 6 Там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 5272.
- 7 См.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (От начала русской образованности до наших дней) : в 6 т. Т. I, вып. 17. СПб., 1889. С. 778.
- 8 Арсеньев И. А. Слово живое о неживых. (Из моих воспоминаний) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1887. Т. XXVIII. С. 85.
- 9 См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1729. Оп. 1. Д. 154. Л. 3.
- 10 См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе : в 55 т. СПб., 1830–1885. Т. 31, отд-

- ние 1 : 1856. СПб., 1857. № 30877. С. 791 ; № 30878. С. 798–799.
- ¹¹ См.: *Берг Н. В.* Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях : 1831–1862. М., 1873. С. 148.
- ¹² См.: *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1860–1862. М. : Российский архив, 1999. С. 189.
- ¹³ *Сапега Л.* Мемуары князя Л. Сапег. 1803–1863. Пг., 1915. С. 109.
- ¹⁴ См.: *Спасович В. Д.* Жизнь и политика маркиза Велепольского. СПб., 1882. С. 62.
- ¹⁵ См.: Карцев П. П. Варшава в 1860–1861 гг. Из воспоминаний генерал-лейтенанта П. П. Карцева // *Русская старина*. 1882. Т. 36, вып. 12. С. 535–536.
- ¹⁶ *Милютин Д. А.* Указ. соч. С. 54.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 359. Л. 2.
- ¹⁸ См.: *Милютин Д. А.* Указ. соч. С. 74–75.
- ¹⁹ Цит. по: *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 167.
- ²⁰ *Арсеньев И. А.* Варшава в 1861 году. (Из памятной книжки) // *Исторический вестник*. Историко-литературный журнал. 1886. Т. XXVI. С. 532.
- ²¹ См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 359. Л. 39.
- ²² Там же. С. 533.
- ²³ Там же. С. 518.
- ²⁴ См.: *Завьялова О. О.* Польский вопрос в русской общественной мысли во второй половине 50-х–начале 60-х годов XIX века : в поисках диалога с властью // *Современная наука : актуальные проблемы теории и практики*. Сер. : Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 9–13.
- ²⁵ См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 384. Л. 2.
- ²⁶ Там же. Л. 3–3 об.
- ²⁷ *Дневник П. А. Валуева*, министра внутренних дел : в 2 т. М. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 1. С. 128.
- ²⁸ Там же. С. 86.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 384. Л. 4.
- ³⁰ Там же. Л. 5–5 об.
- ³¹ Там же. Л. 7 об.
- ³² Там же. Л. 14 об.
- ³³ Там же. Л. 10–12 об.
- ³⁴ Там же. Л. 1.

Образец для цитирования:

Завьялова О. О. «Усмирить подвластный нам край»: взгляды И. А. Арсеньева на польский вопрос в начале 1860-х годов в контексте национальной политики Российской империи // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2019. Т. 19, вып. 4. С. 417–423. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-417-423>

Cite this article as:

Zavyalova O. O. «To Pacify the Land Subject to Us»: the Views of I. A. Arsenyev on the Polish Question in the early 1860s in the Context of the National Policy of the Russian Empire. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2019, vol. 19, iss. 4, pp. 417–423 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-4-417-423>